

© 2018 г.

И.А. УМНОВА (КОНЮХОВА)

ТЕНДЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ¹

Умнова (Конюхова) Ирина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия) (E-mail: iaumnova@mail.ru, ikonyukhova@yandex.ru).

Umnova (Konyukhova) Irina A. — Doctor of Law, Professor, head of the chair for constitutional-legal studies of the Russian state University of justice (Moscow, Russia) (E-mail: iaumnova@mail.ru, ikonyukhova@yandex.ru).

Аннотация: в статье анализируются современные тенденции расширения предмета конституционного регулирования с целью противодействия угрозам и вызовам человеку и будущим поколениям. Рассматриваются процессы конституционализации мира и безопасности как высших ценностей, роль конституций как актов стабилизации и примирения противоборствующих сторон, эволюция от конституций государств к конституциям для человека и общества.

Abstract: the article analyses modern tendencies of expansion of the subject of the constitutional regulation with the aim of countering threats and challenges to man and to future generations. Deals with the processes of constitutionalization of peace and security as higher values, the role of constitutions as acts of stabilization and reconciliation of the warring parties, the evolution of the constitutions to the constitutions for the individual and society.

Ключевые слова: конституция, противодействие угрозам и вызовам, конституционализация, мир, безопасность, устойчивое развитие, свобода и равноправие.

Key words: Constitution, counteraction to threats and challenges, constitutionalization, peace, security, sustainable development, freedom and equality.

Тенденция расширения конституционного регулирования защиты мира и безопасности

В современную эпоху конституции играют все более значимую роль актов прямого действия в защите от глобализации угроз правам и свободам, жизни и достоинству, миру, безопасности, устойчивому развитию и другим непреложным ценностям для человека и будущих поколений. Реализация этих задач обуславливает расширение предмета конституционного регулирования, установление дополнительных запретов и ограничений в деятельности, возникновение новых конституционных комплексов. В условиях общих для всех государств угроз и вызовов обозначенные тенденции просматриваются в странах с различными правовыми культурами, принадлежащими к разным правовым семьям.

В мировой практике как ответ потребностям стабилизации и устойчивого развития, защиты

мира и безопасности появляются новые сферы конституционного регулирования в дополнение к традиционным. Для конституций последних поколений характерно закрепление разделов, посвященных национальной безопасности, защите окружающей среды, обеспечению устойчивого развития; в них определяются модели поведения государства, общества и человека в период введения особого (военного и чрезвычайного) положений, напрямую вводятся предписания, обязывающие государства бороться с терроризмом, проводить миролюбивую политику разоружения и т.д. Подобные положения можно найти в конституциях стран различных континентов и регионов.

Расширение конституционного регулирования не только политических, но и экономических, социальных, экологических и духовных отношений спровоцировало появление в теории конституционного права таких понятий, как “экономическая конституция”, “социальная конституция”, “экологическая конституция”, “духовная конституция” и др. В частности, усилиями экономистов и юристов Германии,

¹Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00187.

Франции, Испании, Италии, США, Португалии была создана теоретическая конструкция, встроенная в систему конституционного права, которая пытается объяснить, как конституция должна регулировать экономические отношения². Аналогичным образом ученые ищут целесообразные рамки конституционного регулирования социальных, духовно-культурных, экологических и других видов публично значимых отношений.

Тенденцией конституционного развития современной эпохи должно было бы стать признание всеми государствами субъективного права на мир после провозглашения такого права на международно-правовом уровне (Африканская хартия прав человека и прав народов 1981 г. и Декларация о праве народов на мир 1984 г.). К сожалению, конституции и законы большинства государств, как правило, не закрепляют непосредственно право на мир, не определяют его содержания. Редкое исключение составляют несколько стран. Конституция Японии закрепляет коллективное право всех народов на мирную жизнь (преамбула), Конституция Перу 1993 г. предоставляет каждому право на мир и спокойствие (ст. 2). В Конституции Колумбии 1991 г. (ст. 22) подчеркивается, что мир есть право и требующая исполнения обязанность. В ст. 95 указанной Конституции это положение конкретизируется: все лица, независимо от того, являются они гражданами Колумбии или нет, обязаны способствовать достижению и поддержанию мира. Индивидуальное право каждого гражданина и, соответственно, коллективное право всей нации на мирную жизнь встречается в преамбуле Конституции Турции 1982 г. Пока это уникальные примеры из мировой практики.

После Второй мировой войны число конституций, декларирующих миролюбивый внешнеполитический курс и отказ от агрессивных войн, значительно возросло. Как правило, формулировка принципа отказа от войны в послевоенных конституциях увязывалась государствами с одновременным признанием международного мира как высшей ценности, соблюдением принципов мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, невмешательства во внутренние дела других государств. Наиболее заметными в этом отношении явились конституции европейских государств, послевоенные конституции государств Азиатско-Тихоокеанского региона, Америки и островов Карибского бассейна. Отрицательное отношение к агрессивной войне в своих конституциях высказали и государства Африки, Ближнего и Среднего Востока (конституции Руанды 2003 г., Туниса 2014 г., Египта 2014 г., Бахрейна 2002 г., Катара

2003 г.). Наряду с закреплением общепризнанных принципов государства стремятся обозначить специальные принципы защиты мира государством и его органами: миролюбивая внешняя политика, содействие международному миру и безопасности, гарантирование государством мира и безопасности, запрет пропаганды войны, использование армии только в оборонительных целях и т.д.

Важное значение для защиты мира и безопасности имеет транспарентность позиции государств в отношении производства вооружений, разоружения и запрета определенных видов оружия. В практике государств имеются уникальные примеры регулирования этих вопросов на конституционном уровне. В частности, в ст. 7 Конституции Португалии 1976 г. сказано, что данное государство выступает за всеобщее разоружение, одновременное и под соответствующим контролем, за роспуск военно-политических блоков и за установление системы коллективной безопасности с целью создания международного порядка, способного обеспечить мир и справедливость в отношениях между народами. В ст. 81 Конституции Колумбии закреплено, что производство, ввоз, владение и использование химического, биологического и ядерного оружия, а также ввоз на территорию государства ядерных и токсичных отходов запрещаются. Согласно ч. 3 ст. 65 Конституции Мозамбика (1990 г.) данная Республика придерживается принципа всеобщего и всеобъемлющего разоружения всех государств.

Немало государств в своих конституциях прописывают статус вооруженных сил как инструмента защиты мира и суверенитета нации. Доминантой, определяющей роль вооруженных сил, является их защитно-оборонительная функция. Некоторые государства подчеркивают нейтралитет вооруженных сил (Албания, Ангола и др.). Для государств, пострадавших или до сих пор страдающих от мятежей, восстаний, значение имеет упоминание о роли армии не только в защите от внешнего врага, но и в предотвращении гражданской войны (Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Малайзия и др.). В конституциях некоторых государств, в особенности вставших на путь восстановления после длительного периода разрухи и гражданской войны, определяются и другие созидательные задачи вооруженных сил (Вьетнам, Иран и др.).

Новое направление конституционного регулирования — упоминание о терроризме как о зле, закрепление принципа отказа от него и определение ключевых средств борьбы с ним. В частности, в ст. 4 Конституции Бразилии 1988 г. особо закреплен принцип отказа от терроризма и расизма. В соответствии со ст. 7 Конституции Исламской

² См.: Андреева Г.Н. Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006. С. 3.

Республики Афганистан 2004 г. государство преследует все виды террористической деятельности и потребление интоксикантов, включая алкоголь, производство и контрабанду наркотиков. Конституция Чили 1980 г. в ст. 9 определяет, что терроризм в любых его формах, по существу, противоречит правам человека. Конституция данного государства формулирует основные положения национального закона, регулирующего вопросы борьбы с терроризмом: закон, принятый квалифицированным большинством, определяет проявления терроризма и устанавливает наказание за него. Согласно ст. 7 Конституции Ирака 2005 г. организации или общественные объединения, поддерживающие, провоцирующие, оправдывающие расизм, терроризм, такфир (провозглашение кого-либо неверным), сектантские чистки, запрещены под любым именем, в особенности партия Saddamistbaath в Ираке и ее символика. Ирак осуждает воинствующий терроризм во всех его проявлениях и обеспечивает защиту своих территорий от возникновения террористических баз, путей их сообщения и областей.

Борьбе с терроризмом посвящена ст. 237 новой Конституции Египта 2014 г., предусматривающая, что государство обязано бороться со всеми типами терроризма и отслеживать финансирование в течение определенного срока в свете угрозы, которую он представляет для государства и граждан, гарантируя тем самым права и свободы. Закон определяет положения и порядок борьбы с терроризмом и справедливой компенсации за ущерб, нанесенный терроризмом. Статья 74 запрещает политическую деятельность и создание политических партий на религиозной, расистской, географической или секторальной основе. Вне закона, таким образом, оказались партии, базирующиеся на религиозной идеологии, в числе которых “Братья-мусульмане”, Партия свободы и справедливости, ультраконсервативная салафитская партия “Ан-Нур”.

В конце XX в. на уровне официальных доктрин многих государств (Канада, Норвегия, Россия, Япония и др.) была признана концепция безопасности личности. В конституциях государств право на безопасность формулируется как самостоятельно, так и в связке с другими правами и свободами. Например, в ст. 16 Конституции Эфиопии 1994 г. закреплено право каждого на личную безопасность. В соответствии со ст. 59 Конституции Египта любое лицо имеет право на безопасную жизнь. Чаще безопасность личности рассматривается во взаимосвязи с правом на свободу (конституции Испании (ст. 17), Португалии (ст. 27), Перу (ст. 2), Либерии 1984 г. (в ред. 1986 г.) и др.).

В конституционной практике государств имеются случаи конкретизации рассматриваемого права применительно к конкретным объектам или целям безопасности. Например, согласно ст. 31 Конституции Азербайджана каждый обладает правом на безопасное проживание. С этой целью устанавливаются определенные ограничения для деятельности органов, обеспечивающих защиту граждан. К примеру, не могут бастовать военнослужащие и гражданские лица, служащие в Вооруженных Силах и других вооруженных формированиях Республики (ст. 36).

Конституции как акты стабилизации и примирения противоборствующих сторон

В современную эпоху конституции все более отчетливо играют роль актов стабилизации и примирения противоборствующих сторон. Их стабилизирующая функция наиболее отчетливо просматривается в тех странах, где наблюдается тяжелый политический, социально-культурный и экономический кризис, происходят столкновения между различными социальными группами (национально-этническими, религиозными, политическими, племенными и проч.), “цветные” революции, развязываются вооруженные конфликты и гражданские войны. Новая или обновленная конституция рассматривается как средство спасения от катаклизмов и потрясений, как начало новой стабильной и мирной жизни, как способ гармонизации межнациональных, межрелигиозных и других общественных отношений, дестабилизация которых грозит безопасности государства, общества и человека. В контексте урегулирования конфликтов, в которых в современном мире тесно переплетаются национальные, религиозные, политические, социокультурные, экономические интересы и взгляды, именно с помощью принятия или обновления конституции ставятся задачи укрепления национального единства; обеспечения мирного сосуществования в рамках одного государства различных народов, этносов и религиозных групп; решения проблем национального и социального неравенства и несправедливости; учета законных интересов и прав национальных и религиозных меньшинств, преодоления воинственного трайбализма, геноцида малых народов и т.п.

Именно такой путь примирения во второй половине XX в. и в начале нынешнего столетия был выбран многими странами Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Азии. Путем конституционной реформы положено начало процессу (пусть порой и длительному) межнационального (национально-религиозного) примирения. Новые конституции в некоторых странах постсоциалистической Европы (бывшие республики в составе

СССР и Югославии, Чехия и Словакия) также свидетельствовали об урегулировании определенных этно-национальных противоречий.

В свете новейших событий в качестве примера страны, возлагающей надежды на новую Конституцию, можно привести Сирию. Весной 2016 г. участники встречи сирийской оппозиции, духовенства и вооруженных формирований в российском Центре по примирению враждующих сторон на авиабазе “Хмеймим” призвали создать инициативную группу для разработки новой Конституции Сирии, проект которой впоследствии был бы предложен для всенародного обсуждения³. Через несколько дней на новой встрече была достигнута договоренность о создании инициативной группы для разработки проекта новой Конституции Сирии. Участники встречи отметили, что, несмотря на разногласия, у них имеются общие взгляды на будущее Сирии как светского государства, которое должно сохранить целостность и свой суверенитет. Они призвали всех патриотов “бросить свои амбиции, корыстные интересы и объединиться” для спасения Сирии и ее народа⁴.

Именно с помощью конституций для государства и общества формируется идеал правового развития, выражаемый в конституционных целях (конституционная стратегия); задачах (конституционная тактика совершенствования законодательства); принципах, ценностях и институтах конституционного строя (сущность и вектора конституционного развития); конституционных механизмах правовых преобразований (определение системы публичной власти и конституционной компетенции в сфере правового регулирования и правоприменения).

Среди целей конституционной стратегии в странах, стремящихся к восстановлению гражданского мира, ведущее значение имеют достижение национального примирения, гармонизация межнациональных и межрелигиозных отношений. Слова о предназначении конституции как формы национального примирения нередко напрямую записываются в преамбулах конституций таких государств (конституции Боснии и Герцеговины 1995 г., Руанды 2003 г., Туниса 2014 г., Египта 2014 г.).

Не всегда конституционный процесс идет успешно. В частности, весьма подробно описываются трудности конституционного строительства в преамбуле Конституции Афганистана 2004 г., обусловленные глубоким национальным и политическим расколом в афганском обществе, его

неготовностью найти общий подход к основным положениям конституционного проекта. В качестве других примеров трудных конституционных процессов национального примирения можно привести такие страны, как Мьянма в Азии; Ирак на Ближнем Востоке; Нигерия, Руанда, Судан и Сомали в Африке.

Политическая практика свидетельствует о том, что труднее всего процесс национального примирения происходит в странах Африки в условиях сохранения там воинственного трайбализма. Для достижения хотя бы частичной стабилизации африканские государства под влиянием международной общественности идут на принятие временных (переходных) конституционных актов. Так, в Сомали для примирения враждующих племенных группировок и налаживания мирного процесса конституционного строительства 1 августа 2012 г. была принята Временная Конституция Федеральной Республики Сомали. В Судане на основе Всеобщего мирного соглашения (СРА), которое *де-юре* положило конец гражданской войне между правительством Судана, находящимся в Хартуме, с одной стороны, и Южным Суданом, Народным освободительным движением Судана (SPLM) — с другой, была создана переходная национальная Конституция, которая действовала до принятия Конституции Судана 2005 г. Как известно, суверенный статус Южного Судана вступил в силу 9 июля 2011 г. после подписания Декларации о провозглашении его независимым государством, а с 14 июля 2011 г. новое государство стало членом ООН.

Цели примирения не всегда, однако, достигаются с принятием конституции, если общество не созрело к этому. Дальнейшие события во многих африканских странах, на Ближнем Востоке и в Азии (в частности, в Афганистане и Ираке) показали, что принятые конституции не стали в этих странах средством стабилизации государственной и общественной жизни, достижения терпимости и национальной солидарности. В условиях слабой эффективности новых конституций интерес к этой проблеме все более расширяется не только в политических, но и в научных кругах. Ученые ищут необходимые условия достижения конституционного успеха.

Так, профессора школы права Чикагского и Кембриджского университетов Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург, исследуя результативность конституций, отмечают вариативность подходов, затрагивающих конституционный дизайн, в том числе факторов и условий конституционного процесса (этническое, лингвистическое, расовое и религиозное

³ См.: URL: www.kommersant.ru/doc/29227

⁴ См.: URL: <http://politrussia.com/news/v-sirii-sozdana-536>

разнообразии), вопросов представительства, расширения народного участия и проч.⁵

В качестве примера игнорирования конституционных процедур взаимодействия и согласования интересов исследователи приводят Конституцию Афганистана 2004 г., которая писалась соответствующей комиссией в обстановке секретности с участием иностранных советников и была представлена в аппарат Президента Афганистана лишь перед непосредственным проведением чтений и ее принятием Конституционной ассамблеей, т.е. без широкого обсуждения населением⁶.

Новейшим примером открытого гражданского диалога стал процесс принятия Конституции Туниса от 26 января 2014 г., разработка которой началась еще в октябре 2011 г. Над проектом работало шесть комиссий, представлявших политические партии пропорционально их представительству в парламенте. В ходе разработки новой Конституции Национальная конституционная ассамблея вела дебаты и проводила голосование по каждой отдельной статье. Спикер тунисского парламента М. бен Джаффар охарактеризовал эту Конституцию как “результат консенсуса”, который поможет в дальнейшем построить демократическое государство, основанное на “праве и равенстве”⁷.

Масштаб согласования интересов с целью достижения национального согласия при принятии конституции имеет, как представляется, определенные границы. Иными словами, этот процесс не следует раздувать и делать громоздким в той мере, в какой он начинает тормозить подготовку и принятие конституции. Именно такие трудности возникли, к примеру, в Кении. Начавшийся в начале 2000-х годов конституционный процесс зашел в тупик в 2005 г. В обсуждение Конституции данного государства были вовлечены более чем 600 делегатов и два государственных органа, принимавших участие в создании проекта. В результате этой сложной процедуры текстуальная согласованность и внутренняя последовательность конституционного текста так и не были достигнуты. Только вмешательство Африканского Союза в связи со вспышкой насилия после выборов в 2008 г. заставило политиков и общественность Кении уже более узким кругом социально-политических сил разработать новую Конституцию в другом варианте и утвердить ее парламентом 1 апреля 2010 г.

В итоге новая Конституция Кении была одобрена на референдуме 4 августа 2010 г.

Как известно, Российская Федерация в начале 90-х годов также столкнулась с запутанным и противоречивым процессом конституционного законотворчества. При разработке проекта новой Конституции РФ произошел не просто организационно-институциональный сбой, а случился серьезный социально-политический конфликт, результатом которого стало жесткое противостояние президента и высшей законодательной власти.

Среди факторов, снижающих эффективность новых конституций как способов обеспечения гражданского мира, стабилизации межнациональных и межрелигиозных отношений, следует назвать искусственное навязывание стране со стороны международного сообщества или других стран той конституции, к исполнению которой общество оказалось не готовым, либо ее текст не был увязан с прочно устоявшимися национальными традициями. На то обстоятельство, что внешнее (международное) вовлечение может выступить сдерживающим фактором для принятия конституции, соответствующей особенностям страны, неоднократно обращалось внимание в юридической литературе⁸. В то же время имеются примеры и успешного внешнего вмешательства в конституционный процесс государств (например, влияние Германии и Бельгии на принятие Конституции ЮАР, вклад международного сообщества в содержание Конституции Боснии и Герцеговины). Следует согласиться с теми экспертами, кто признает ценность конституции — плода коллективной мудрости в случае, если она помогает стабилизировать ситуацию в условиях войны, переворота, экономического кризиса или революции. В таком случае государство само, по собственной инициативе нередко прибегает к внешнему участию. Создание конституционного законопроекта в государстве, претерпевающем кризис или находящемся под властью военных, происходит одновременно с переговорами, в которые вовлекаются иностранные советники и инвесторы, доноры, кредиторы, заинтересованные государства, составные части государства, ООН и другие международные организации⁹.

Еще одно важное требование — поиск компромисса между узко групповыми интересами и генерированным интересом общества. Публичность конституционного процесса есть важнейшее условие достижения этого требования. Нужно также

⁵ См.: Blount J., Elkins Z. and Ginsburg T. “Does the Process of Constitution-Making Matter?” // *Comparative Constitutional design* / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013. P. 31, 32.

⁶ См.: *ibid.* P. 33.

⁷ Сапронова М.А. Новая Конституция Туниса: свобода, равенство, ислам // URL: www.iimes.ru/?p=19583

⁸ См.: Burnell P. The Relationship of Accountable Governance and Constitutional Implementation, with Reference to Africa // *Journal of Politics and Law*. Vol. 1. 2008. № 3.

⁹ См.: Blount J., Elkins Z. and Ginsburg T. *Op. cit.* P. 34.

осознавать, что гармонизация межнациональных и межрелигиозных отношений — процесс диалектический. В одних случаях для достижения компромисса требуются учет и отражение в конституции этно-национальных и религиозных факторов, в других — важны денационализация и закрепление светского государства для снятия национально-этнического и религиозного напряжения.

Дальнейший ход реализации конституций, свидетельствующий не только об их успехах, но и поражениях, требует всесторонней оценки. Осуществляя такую оценку, важно осознавать, что потенциал конституции всегда реализуется настолько, насколько это позволяет сложившаяся ситуация.

Эволюция от конституций государств к конституциям для человека и общества

Глобализация угроз и вызовов человеку, его правам и свободам, праву на мир, безопасность и устойчивое развитие предопределила формирование конституции нового типа, в которой главной идеей становится служение государственной власти интересам человека и общества. Конституция для государства эволюционирует в сторону конституции для человека и общества.

В начале XX в. немецкий ученый Г. Еллинек определил конституцию как “совокупность положений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти”¹⁰. Стремление свести назначение конституции к установлению компетенции различных государственных органов и регулированию взаимоотношений между ними стало тогда ведущим подходом. Такого рода определения были даны многими зарубежными государствоведами, в частности французским правоведом М. Прело¹¹, западногерманским государствоведом Т. Маунцем¹² и др. Английские конституционалисты Е. Уэйд и Г. Филлипс попытались в определении конституции соединить форму и содержание, в то же время опираясь также на узкий государствоведческий подход в понимании предмета конституционного регулирования. Они отмечали, что “под конституцией обычно понимают обладающий особым правовым значением документ, в котором определяются основы

организации, а также функции органов управления государства и формируются принципы, определяющие деятельность этих органов”¹³.

Наряду с государствоведческим подходом в теории конституционного (государственного) права имел место и более широкий конституционалистский взгляд на предмет конституционного регулирования. Сторонники такого подхода стремились в определении отразить сущность конституционализма как принципа, составляющего главный смысл конституции демократического, правового государства. Так, А.Д. Градовский отмечал, что “основным и общим признаком конституционных форм является то, что можно назвать *самоограничением* государственной власти, в силу чего эта власть не является *абсолютной*, в чьих бы руках она ни находилась, в руках народа или монарха с народным представительством”¹⁴.

Ч. Бирд в своей книге “Американское правление” определял конституцию как документ, устанавливающий пределы правления, предписывающий полномочия и определяющий свободы лиц и граждан¹⁵.

В современную эпоху в условиях глобализации угроз и вызовов человечеству конституции еще более однозначно поворачиваются лицом к человеку. Принятые в конце прошлого — начале XXI в. основные законы не просто провозглашают человека, его права и свободы высшей ценностью, закрепляют принцип уважения прав человека, они все более решительно демонстрируют поворот от секулярных либерально-демократических идей к религиозным, нравственным ценностям, защищающим человека, образно говоря, от самого себя.

Следует признать, что в современный период либерально-демократическая доктрина конституционализма вошла в серьезное противоречие с христианскими идеями гуманизма, касающимися понимания пределов реализации таких ценностей, как свобода и равноправие. Декларация тысячелетия ООН 2000 г., выстроив систему фундаментальных ценностей, в качестве таковых назвала свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общую обязанность. Вне перечня, однако, остались собственно говоря, сама человеческая жизнь, духовное и физическое здоровье человека, достоинство, справедливость, мир, безопасность, любовь к ближнему, семья и брак

¹⁰ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1907. С. 37.

¹¹ См.: Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. С. 23.

¹² См.: Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М., 1959. С. 88, 89.

¹³ Уэйд Е., Филлипс Г. Конституционное право / пер. с англ. А.С. Никифорова; под ред. С.Б. Крылова. М., 1950.

¹⁴ Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб., 1895. С. 3.

¹⁵ См.: Бирд Ч. Американское правление. 1949. С. 9.

как союз мужчины и женщины и иные естественно-правовые ценности. В отличие от современных конституций исламских государств, защищающих вышеперечисленные ценности как религиозные, в первых же главах конституций, в том числе путем установления определенных запретов и ограничений свободе и равноправию (к примеру, конституции Афганистана 2004 г., Бахрейна 2002 г., Египта 2014 г., Ирана 1979 г., Ирака 2005 г., Катара 2003 г., Омана 1996 г., Туниса 2014 г. и др.), большинство конституций западных государств с христианскими корнями правовой культуры, включая Россию, весьма лаконичны и сдержаны в вопросах защиты естественно-правовой сущности человека. Выставляя аналогично Декларации тысячелетия ООН на первое место такие ценности, как свобода и равноправие, но при этом не увязывая их с естественно-правовыми ограничителями их реализации, многие страны оказались заложниками фетишизированной свободы и раздутого до абсурда равноправия (в частности, равноправие сексуальных меньшинств, традиционных и однополых браков, родителей и детей и проч.), породив тем самым риски для человека и человечества в целом.

В этих условиях правовое развитие значительного числа европейских государств на американском континенте — США, Канады, Аргентины, Бразилии, Уругвая и Мексики (ряд штатов), в Африке — ЮАР и др. привело к легализации содомии, однополых браков, свободной торговли “легкими” наркотиками, пропаганды “свободной любви”, поддержки аморального творчества, поощрения аборт, признания права на смерть (эвтаназии) и прочим видам антихристианского, безнравственного поведения, разрешаемого или не запрещаемого государством. Опасной тенденцией стало вовлечение в легализацию высших национальных и международных судов (в частности, ЕСПЧ), а также участие в этом процессе широкого круга неправительственных организаций (НПО).

Оценивая активность неправительственных организаций на современном этапе, профессор права Кр. Макрудден¹⁶ говорит о расширении культурных войн, которые развернулись в отдельных государствах и на транснациональном (международном) уровне между религиозно-консервативными и либерально-секулярными неправительственными организациями¹⁷.

Если говорить об итогах этих культурных войн, то, к сожалению, и во многих западных государствах, и на международном уровне (ЕСПЧ) победу нередко одерживает антихристианская трактовка либерально-демократической доктрины свободы и равноправия. В частности, следует обратить внимание на дело *Lawrence v. Texas*¹⁸, по которому Верховный суд США постановил (правда, голоса судей разделились), что законы штатов, криминализирующие, т.е. устанавливающие, ответственность за содомию, являются неконституционными в соответствии с федеральным законом. По этому делу 31 экспертное заключение было представлено в Верховный суд, некоторые — в пользу сохранения криминализации содомии как конституционной меры (16 заключений) и другие — против криминализации (15).

Завершающим штрихом в длительной ожесточенной дискуссии, как известно, стало решение Верховного суда США от 26 июня 2015 г., определившее, что право на однополые браки не противоречит Конституции страны. К тому времени однополые браки уже были разрешены в 37 штатах из 50. Символическим знаком деградации либерально-демократической доктрины свободы и равноправия в США стало заявление тогдашнего Президента США Б. Обамы о том, что данное решение Верховного суда является победой Америки, которая делает американцев более равными и свободными¹⁹.

Аналогично США сопротивление религиозной общественности не помешало, к сожалению, принятию в Канаде 20 июля 2005 г. Закона о гражданском браке, который узаконил однополый брак. Еще до принятия этого Закона восемь провинций и одна территория, составлявшие 89% канадского населения, уже предоставляли правовую базу по браку между супругами одного пола. В каждом из регионов этот вид брака был узаконен в результате процесса установления судьями того, что старый закон о браке, ограниченный гетеросексуальными парами, противоречил Конституции²⁰.

Благодаря усилиям религиозной общественности по противодействию содомии целый ряд государств на конституционном уровне однозначно выразили свое отношение к однополым бракам. В частности, в Европе Конституция Польши 1997 г. характеризует брак как “союз мужчины и женщины”, тем самым, исключая возможность

¹⁶ Профессор Центра прав человека и равного права Королевского университета Белфаста.

¹⁷ См.: *McCrudden Ch.* Transnational culture wars // *I • CON* (2015). Vol. 13. No 2. P. 434.

¹⁸ См.: *Lawrence v. Texas*, 539 U.S. 558 (2003).

¹⁹ См.: URL: <http://ria.ru/world/20150626/1091224116.html>

²⁰ См.: URL: http://www.visioncritical.com/wp-content/uploads/2010/07/2010.07.26_SameSex.pdf

легализации однополых браков. Согласно ст. 46 (1) Конституции Болгарии брак представляет собой добровольный союз мужчины и женщины. В 2005 г. в Конституцию Латвии от 7 ноября 1922 г. (в ред. 1993 г.) было внесено определение брака как “союза между мужчиной и женщиной”, что фактически исключило легализацию однополых браков.

Особое отношение к семье и браку высказано в Конституции Венгрии от 25 апреля 2011 г., согласно которой Венгрия защищает институт брака между мужчиной и женщиной, супружеские отношения, установленные добровольно, а также семью как основу для выживания страны. Венгрия поддерживает рождение детей. Защита семей регулируется законом квалифицированного большинства (ст. М). На постсоветском пространстве в ст. 32 Конституции Республики Беларусь записано, что женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Другой вид брака Конституция данной страны не предусматривает.

В Российской Федерации на уровне Семейного кодекса РФ (ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 12) брак рассматривается как добровольный союз мужчины и женщины, при этом семья создается в целях обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

В отличие от конституционной доктрины нравственности вышеприведенных государств, строго ограничивающих публичные права сексуальных меньшинств и возможности их негативного влияния на детей и общество, ЕСПЧ настаивает на допустимости признания прав сексуальных меньшинств в широком смысле. Наиболее чувствительным вопросом является допустимость признания однополых семей и родительских прав однополых пар. ЕСПЧ затрагивает в своей практике два основных вопроса, связанных с однополыми семьями: отношений между партнерами и родительские права гомосексуальных лиц. При этом нельзя не заметить, что позиция ЕСПЧ, к сожалению, все более “либерализируется”²¹.

Серьезные гарантии защиты человека — конституционное регулирование принципиальных вопросов, связанных с охраной его жизни и здоровья. Примером позитивного опыта

конституционного регулирования на основе христианской нравственности являются положения Конституции Швейцарии 1999 г. (вступила в силу в 2000 г.) и Венгрии 2011 г.

Согласно ст. 119 Конституции Швейцарии человек подлежит защите от злоупотреблений репродуктивной медициной и генной инженерией. Конституция этой страны запрещает, в частности, все виды клонирования и вмешательств в наследственный материал, пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства недопустимы; запрещена любая торговля человеческим зародышевым материалом и производными им эмбрионами.

В соответствии со ст. I Конституции Венгрии каждый человек имеет право на жизнь и человеческое достоинство; жизнь плода будет защищена с момента зачатия. Статья III запрещает медицинские или научные эксперименты на людях без их добровольного и осознанного согласия. Запрещена также евгеническая практика, нацеленная на отбор лиц, делая человеческое тело и его части источником прибыли, а также репродуктивное клонирование людей.

Приведенные примеры есть доказательство того, что прогрессивные государства стремятся защитить человека, его жизнь и здоровье на самом высоком, конституционном уровне. Данная практика, как представляется, — пока только начало новой тенденции возврата к естественно-правовым, христианским идеям гуманизма, но расширение угроз человеку, его жизни и здоровью, рост злоупотреблений правами, свободами и другими ценностями либеральной демократии — все это естественным образом заставит государства и международное общество внести коррективы в конституционные нормы и законы ради сохранения человека и человечества в будущем.

Таким образом, в условиях глобализации угроз и вызовов человечеству наблюдается тенденция возрастания роли конституций как инструмента защиты человека, его прав и свобод. Наблюдаются процессы неуклонного расширения конституционного регулирования механизмов обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития. Конституции играют роль актов стабилизации и примирения противоборствующих сторон. Особенности современного конституционного развития выразилась также в окончательном преобразовании конституций государств в конституции человека, общества и государства как взаимосвязанных систем, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов с целью защиты нынешних и будущих поколений.

²¹ См.: постановления ЕСПЧ: от 24 июня 2010 г. по делу “Шалк и Копф против Австрии” (жалоба № 30141/04); от 20 марта 2008 г. по делу “Р.В. и J.S. против Австрии” (жалоба № 18984/02); от 21 декабря 1999 г. по делу “Салгуэйро да Сильва Моута против Португалии”; от 28 сентября 2010 г. по делу “J.M. против Великобритании” (жалоба № 37060/06) и др.